

больших авторитетов в теории балета, автор и по сей день единственной монографии о “Сильфиде”, за которую он был удостоен государственной премии.

Наши общие усилия не пропали даром: премьера “Сильфиды” в Малом театре стала событием. Как я и предполагал, заметно выросла в профессиональном отношении изголодавшаяся по таким танцам труппа. И, будто сквозь щелочку, к нам наконец-то “проник” западный хореограф — классик, по величине своей сравнимый лишь с Петипа и равного которому сегодня нет.

А затем началось триумфальное шествие “Сильфиды” по нашим театрам. К сожалению, его несколько омрачило присущее нашему народу удивительное качество — эдакая абсолютная беспринципность. Дело в том, что на каждую постановку такого балета нужна лицензия. Но “мы этим не обременены”, и бедную “Сильфиду” стали просто грабить, что нанесло ей колоссальный художественный ущерб. Ее ставили люди, не имевшие к этому никакого отношения, хотя в России право на это имеют только два человека — я и моя жена Елена Виноградова. Она была ассистентом Эльзы Марианны и переносила балет почти на все наши сцены.

Естественно, мне было очень приятно, когда спустя долгое время мысль о “Сильфиде” возникла

именно в связи с Большим театром. Тем более, что произошло это после такой интересной работы Юрия Григоровича в Петербурге, как “Раймонда”. Поэтому когда встал вопрос, что можно сделать в Москве с нашей стороны, я сразу назвал “Сильфиду”. Не может этот театр не иметь ее, просто не должен! Ведь в ней заключена целая школа, целое направление, на котором будут воспитываться многие поколения. Такая труппа должна это иметь.

С конца августа начали работу мои ассистенты, опытнейшие люди — Габриэла Комлева, Наталья Спицына (мой основной ассистент, работающий по всему миру), Евгений Нефф. Времени, конечно, было мало, да и труппа не совсем была готова: некоторых исполнителей пришлось потом заменить. Тем не менее, такая работа всем пойдет на пользу, поскольку придется осваивать и оригинальную эстетику, и другие принципы координации, несколько иную постановку корпуса, и специфически-бурнонвилевские *port de bras*. Особой проблемой для всех нас являются стопы, хоршей стопой обладают лишь единицы, а причина тому —

школа. Вот почему для работы над “Сильфидой” Большой театр мог бы пригласить и датских педагогов. Это очень важно и сегодня вполне возможно.

Понимаете, Большой есть, был и будет Большим, несмотря ни на какие катаклизмы, кажущиеся сейчас неразрешимыми. Всякое было, было и гораздо хуже. Это все пройдет. Имя Большого, как и имя Кировского, или Мариинского, останется. Поэтому не надо паниковать. Надо верить в этот авторитет и надо ставить именно такие спектакли — спектакли высочайшей пробы, которые не дадут труппе опуститься и точно всегда покажут, кто на что способен. “Сильфида” опасна еще и тем, что ругать ее невозможно. Она гениальна и доказала это всей своей историей. Если будут ругать, то — репетиторов и тех, кто это танцует. Так что надо отдавать себе отчет, за что берем.

Я рад, что в последнее время на сцену Большого театра при-

шли “Корсар”, “Баядерка”: мы не боимся дублирования репертуара. Например, две “Баядерки” — ваша и наша — во многом не похожи друг на друга, хотя это и одна редакция. Их всегда будет интересно сравнить. Если между Большим и Мариинским и дальше будут складываться нормальные рабочие и дружеские взаимоотношения, которых нам так не хватало одно время и кото-

Габриэла Комлева на репетиции с Аллой Михальченко. (Фото А. Косинца, ТАСС).

рые существуют сегодня, мы могли бы просто меняться составами, меняться труппами! Не надо возить декорации — они одни и те же. Представьте: ваша труппа приезжает, танцует в наших декорациях и — наоборот. Но как это было бы интересно публике, самим актерам! Что мешает этому? Ничего! Сегодня — ничего. Важно желание.

Про обмен солистами я уже и не говорю. У вас сейчас замечательные солисты, особенно мужчины. У нас таких мужчин сегодня, к сожалению, нет. Правда, у нас сейчас просто уникальные молодые балерины.

Я безмерно рад работать в Москве, вновь и вновь появляться в Большом театре, с которым у меня связано немало приятных моментов в жизни, где меня хорошо помнят и знают. Два наших театра определяли, определяют и будут определять мировую эстетику балета. Вот почему нам не нужно ни конфронтации, ни каких-либо противопоставлений друг другу. Мы хотим остаться двумя разными театрами, объединенными общим стремлением к высочайшей культуре.